

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

1 ДЕК 1984

ВСТРЕЧА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

С глазу на глаз со слушателем

«Должна признаться, я очень люблю такой жанр искусства, как художественное чтение. И меня удивляет, что оно, пожалуй, утратило сейчас в некоторой степени популярность. Драматические актеры часто выступают с чтением в концертах. Но я-то имею в виду мастеров именно этого жанра, посвятивших этому жизнь. Мне в них дорого буквально прямое общение со мной, их ощущение зала как собеседника, умение видеть себя глазами зрителя. Очень бы хотелось познакомиться с размышлениями чтеца именно на эту тему».

В. СКОПИНА.

КАЛИНИНГРАД.

Рафаэль Клейнер — мастер художественного слова. Мастер и по званию, и по сути. За минувшие 20 лет он исполнил двадцать программ литературных вечеров: Сократ, Эйнштейн, Пушкин, Маяковский, Есенин...

Сегодня мы пригласили Рафаэля Александровича как бы спуститься в зал и попытаться посмотреть глазами зрителей-слушателей на жанр, которому он себя посвятил.

Это очень интересная и непростая задача — чтецу попытаться вникнуть в психологию слушателя в зале. Вот он сидит в зале и полтора-два часа слушает чтение. В театре — разнообразие актеров, неожиданности сюжетного развития. А тут вроде некая монотонность. В сборном концерте в общем-то проще: вышел, прочитал два-три стихотворения. Но как раз в концертах я выступать не люблю. Цель чтеца — открыться перед слушателем облик поэта, облик его творчества. Это невозможно, даже если исполнить его шедевр. Только в развитии писатель проступает полно. Вот почему я предпочитаю литературные композиции, когда на целый вечер мы остаемся с глазу на глаз: поэт, чтец и слушатель. У нас есть время понять друг друга. И если кто-то заснул, то причина только одна — плох чтец. На этот счет у меня сомнений нет. Если собеседник тебя не понимает, то, значит, ты не смог с ним объясниться.

Я стараюсь читать преимущественно современных авторов. И дело не в сиюминутной злободневности. Сиюминутно говорят только посредственные поэты. А большой писатель — это наследник многовековой культуры, и мудрость поколений через него перешла в мысли о сегодняшнем дне.

Конечно, можно сказать — не интереснее ли встретиться с самим поэтом, который сам прочитает свои стихи? Вроде бы резонно. Но это уже совсем другой контакт. Встреча читателя с поэтом — это встреча читателя с поэтом. Это единственно и неповторимо. Но поэт беспокоится о том, чтобы донести это свое стихотворение. И это вполне естественно. Обратите, кстати, внимание, что происходит, когда поэт читает другого поэта. Например, Евтушенко исполняет Маяковского. Это уже не Маяковский. Это Маяковский поэт Евтушенко. А Пушкин в исполнении Ахматовой — это Пушкин Ахматовой.

Поэт излагает себя, но это не значит, что он наилучшим образом исполняет свое стихотворение.

Понимаете, поэт прожил стихотворение, когда писал; я его отстрадал, и довольно, а сейчас я вам его просто прочитаю. Чтец же проживает это стихотворение каждый раз, словно оно только что написалось. Он его рождает на свет столько раз, сколько исполняет. И при этих «муках» он должен помнить о звучании голоса, о мелодике стиха. Поэт обо всем этом не заботится. Его личное присутствие обеспечивает смысл стихотворения.

Однако смысл — это еще не все. Разные чтецы доносят один и тот же смысл стихотворения. Но одних слушатель принимает, а других нет. Два театра играют один и тот же спектакль, один и тот же текст. Но в одном театре люди плачут, а из другого уходят посреди действия. И уж совсем никому не приходит в голову послушать пьесу в исполнении ее автора.

Актер в театральном спектакле как бы проживает каждую реплику. Он словно бы не знает, что будет дальше. И это великолепно! Мы не поверим актеру, который заранее «знает», что будет «убит» в третьем акте. Актер перевоплощается в образ, в его постепенное развитие. А перенося этот прекрасный дар на чтение, он тоже как бы играет каждую строку, читает «с выражением». И стихотворение начинается для слушателя рассыпаться на отдельные «роли», строки.

Вот, например, «Моцарт и Сальери» театальный актер, несомненно, станет исполнять «на разные голоса». Да, это почерк театра. Но на эстраде при этом неизбежно разрушается ритм строки, образы живут параллельно. Мы получаем две трагедии: Моцарта и Сальери. Но не получаем трагедию Пушкина.

Театральный актер играет действующих лиц, а чтец —

произведение. Драматический актер заставляет сопереживать вместе с собой, а чтец — с автором. Драматический актер как бы играет на каждом инструменте по очереди. А чтец как бы одновременно воспроизводит звучание всего оркестра. Не забывая о частностях, он обязан держать все «группы оркестра». Мы говорим, конечно, об идеальном случае.

Повторю, драматический актер по природе своей работы как бы не знает, что будет дальше. А чтец в каждое мгновение осознает все два часа все произведение — от первой строки до последней.

Но вернемся к нашей начальной теме: чтец и слушатель. Я иной раз замечаю, что слушатель явно начинает терять интерес к моей программе. И повинен в том, безусловно, не слушатель, а я.

Давайте все-таки спрашивать в первую очередь с чтеца. Дмитрий Николаевич Журавлев только через пятнадцать лет почувствовал, что у него зазвучала «Пиковая дама». Высокий счет к себе. Я упивался его исполнением. А он-то сам знал, что это еще не результат.

А если слушатели потеряли интерес к программе именно данного поэта, то это моя вина. Значит, я не почувствовал, не заметил, что поэт отстал от сегодняшнего дня, повторяет изжившие себя темы, образы. А я продолжал его по инерции читать. Я словно на остановившемся эскалаторе. А мимо едут люди дальше, вверх.

Остановившийся поэт! Ну, а, скажете вы, поэт XIX века? Он уже все сказал. Он уже не может «двигаться» дальше.

«Хронологический» подход тут неуместен. Современный поэт развивается не со вторника на среду и не из года в год. Он развивается вместе с обществом. Если развивается.

Что касается минувших времен, то мы ведь помним только больших поэтов. А у категории великой поэзии счет идет на вечность. Великий развивается в нас, а мы — в нем. Я читаю программу Платона. «Апология Сократа». И как-то по окончании одного из этих вечеров ко мне подошел молодой человек и сказал: «Вот так шли и в 41-м на смерть. За идею!». Видите, как высоко откликнулись в парне через двадцать четыре века думы Сократа.

И вот тут я хочу подчеркнуть один очень важный момент. Иной раз меня «доброжелатели» начинают пугать — слушатель сложный материал не примет, не поймет, дескать. А, скажем, Сократ действительно не прост.

На этот счет у меня есть твердое убеждение, подкрепленное многолетней практикой. «Сложность» — это ложная репутация. Заранее запугиваем себя именами — Платон, Сократ! Об их недоступности обычно говорят те, кто их не читал. Они как раз потому и велики, что понятны.

И вот иной «осмеливается» прийти в зал. И вдруг слышит простые, мудрые слова. Сократ-то с ним говорит на понятном языке и об очень важном, насущном. Они понимают друг друга. Я не преувеличиваю, конечно, не каждый (и я в том числе) способен постичь все глубины мудрости Сократа. Но ведь взаимопонимание — это бесконечный путь.

Когда я начинал исполнять «Апологию», мне говорили: поездишь с ней по институтам, выступишь в Доме ученых, в Доме художника, а потом что? Дескать, рассчитана программа на «рафинированную» публику. Я не случайно взял это слово в кавычки. Так называемая «рафинированность» очень часто — признак самодовольной лености ума и души.

Моя обычная аудитория — заводской Дом культуры. И я этим очень дорожу. Поймите, я не умиляюсь — токарю, а как слушает слова Сократа! У токаря нет философского, филологического образования. Но в нем образование человеческого опыта. А именно только к этому всегда и обращался Сократ.

Но, безусловно, важна подготовленность слушателя. Я сам, например, как слушатель неважно воспринимаю исполнение того или иного незнакомого произведения с первого раза. На второй раз, бывает, обнаруживаю, что кое-что упустил и даже просто не заметил. Но вместе с тем, видимо, существенно и свежесть восприятия. Повторю, я это говорю как слушатель.

Безусловно, интереснее обращаться к слушателю, которому заранее ведомо исполняемое произведение. И тогда это будет свежесть совместного осмысления, а не просто свежесть восприятия неизвестного слушателю текста. Даже «Борис Годунов» для непосвященного может стать лишь исторической информацией. А для посвященного — предметом осмысления истории и трагедии.

Я, когда читаю со сцены, стараюсь думать и чувствовать. И цель моя — пригласить слушателя разделить со мной эту радость.

Рафаэль КЛЕЙНЕР.